

УДК 1(091)

Звиревич Витольд Титович

д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры истории философии и философии образования Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
E-mail: zwirewi4@mail.ru

Zvirevich Vitold Titovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor at History of Philosophy and Philosophy of Education Chair, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg)

**ФИЛОСОФСТВУЮЩИЙ РИТОР
ДИОН ХРИСОСТОМ**

**DIO CHRYSOSTOM:
RHETORICIAN ON PHILOSOPHY**

Аннотация

В публикации представлен авторский перевод с древнегреческого языка диалога Диона Хрисостома «О философии». В диалоге Дион Хрисостом осуждает софистическое мнение о философии и убеждает собеседника в том, что только философия несовместима с пороками и отвращает человека от позорного и дурного поведения.

Ключевые слова: диатриба; назначение философии; философия киников; философское красноречие.

Abstract

The article presents the author's translation from the ancient Greek of «On Philosophy» dialogue by Dio Chrysostom. In the dialogue Dio condemns a pseudo-philosophical sophistical idea of philosophy and convinces the reader that true philosophy cannot be reconciled to any vice; it turns a man away from ignominious and wicked behavior.

Keywords: diatribe; mission of philosophy; philosophy of Cynics; philosophical eloquence.

Дион Хрисостом (Златоуст; от греч. χρῦσεος – золотой, στόμα – рот) из города Пруса в малоазийской провинции Вифиния жил во второй половине I – начале II в. н. э. Он оставил значительное литературное наследие: речи и беседы – содержание которых составляют философские, общественно-политические и даже, если можно так выразиться, литературоведческие вопросы, что позволяет считать Диона не столько оратором, сколько философом, а его риторическое искусство зачислить в особый разряд «философского красноречия».

Действительно, если сравнить речи Диона с принятым в античности разделением красноречия на три рода: торжественное, включающее речи хвалебные и порицательные, в которых оратор исходил из категорий хорошего и дурного; советательное, которое включало речи, убеждающие или разубеждающие в принятии решения на основе представлений о полезном и вредном; судебное – речи обвинительные и защитительные, исходящие из категорий справедливого и несправедливого [1], – то едва ли их можно распределить по этим видам речей с их жесткой привязкой к определенным моральным категориям. К тому же «чистые» ораторы произносили свои речи в основном по поводу какого-нибудь конкретного лица, общественно-политического события или судебного дела, даже если и включали в них так называемые «общие места», т. е. положения философского характера. Ведь именно таковы преимущественно адресаты речей, например, Демосфена [2], Исократ [3], Цицерона [4].

Речи же Диона обращены ко всем людям, так как поднимают общечеловеческие социально-политические и моральные проблемы, представленные, разумеется, в их конкретно-историческом, античном, выражении. Поэтому его правильное

было бы назвать даже не «философствующим ритором», а «ораторствующим философом», продолжающим по существу дело Сократа – обучение философии словом, произнося речи или вовлекая человека в беседу. В то же время можно сказать, что Дион воплотил в своем творчестве также и пожелание Цицерона сделать философию красноречиво говорящей. Согласно Цицерону, римская философия появляется в облике совершенного римского красноречия [5]. Он утверждал, что «безмолвная и лишённая речи мудрость не в состоянии ничего произвести» [6].

Каковы же были собственно философские воззрения Диона? По общему мнению, он придерживался в основном кинической философии. Приведем по этому поводу слова видного советского исследователя философии киников И. М. Нахова: «Влияние кинизма на творчество Диона оказалось столь глубоким и разносторонним, так отразилось на наиболее значительных его произведениях, что некоторые исследователи склонны видеть в нем стопроцентного киника. Тем более что в изгнании он не только произносил кинические речи, но и вел *κυνικός βίος*» [7]. Дион принял не только киническую философию, но и литературный жанр киников – диатрибу [8].

Оценивая творчество Диона Хрисостома, будет вполне справедливым признать его одним из выдающихся философов-киников римской эпохи, как это и делает И. М. Нахов [9]. Однако следует отметить, что даже при такой высокой оценке Диона на русский язык переведена ничтожная доля его произведений¹.

В данной публикации предлагается перевод еще одного небольшого диалога Диона Хрисостома – «О философии», в котором он убеждает собеседника в том, что только одна философия среди всех занятий и наук несовместима с пороками, отвращает человека от позорного и дурного и, по-видимому, осуждает софистическое мнение о философии.

Дион Хрисостом О философии²

Dio Chrysostom The Seventieth Discourse: On Philosophy

(1) Д[ион]. Ну вот, если бы ты слышал кого-нибудь, говорящего, что он хочет земледельствовать, но увидел бы (ὄρῶνς), что он ничего для этого не делает: ни быков не покупает и не выращивает, ни плуга не подготавливает, ни других орудий для земледелия; и не поселяется в сельской усадьбе (ἀγρῶ) или, владея ею или нанимая [ее] у другого, большей частью (τὰ πολλὰ) в городе околачивается (διστρίβοντα) около площади и гимнасия и пребывает на попойках, или у гетер, или [в прочей] такой праздности, – то будешь ли ты больше внимать тому, что он говорит, или совершаемому им? И скажешь ли ты, что этот человек – земледelec и работник, или [что он – из числа] бездельников и праздных [людей]?

[Собеседник Диона]. Ясное [дело], что [он – из числа] бездельников.

¹ Античная философия / Энциклопедический словарь. – М., – С. 341; Известия Уральского федерального университета. – Серия 3. – 2012. – № 3. – С. 147–159; Звиревич В. Т. Жанр утешений в античной философской литературе. – Екатеринбург, 2013. – С. 341–344.

² Перевод с древнегреческого В. Т. Звиревича по публикации: Bill Thayer's Site: [сайт]. – URL: <http://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/> (дата обращения: 11.10.2013) (греческий оригинал и английский перевод).

(2) Дион. Пусть будет [так]. А (δὲ) если бы кто-нибудь сказал, [что] он – охотник и превосходит Ипполита³ или Мелеагра⁴ и мужеством, и выносливостью (φιλοπονία), но несколько не проявлял [себя], совершая [что-либо им] подобное, и не приобретал ни собак, ни [охотничьих] сетей, ни коня, и вообще не выходил на охоту да (ἀλλὰ) и на солнце не сжигал тело и стужу не способен выдерживать, а изнежен в тени и не закален (ἀπαλός) и весьма подобен женщинам, возможно ли, [чтобы] ты признал (ὑπολάβοις), что он говорит правду (τάληθῆ) и что он имеет какое-то отношение к охоте?

Собеседник. Я-то – нет.

(3) Дион. Конечно, странно, чтобы скорее по речам, которые высказывает кто-нибудь, чем по [его] делам представлялась и определялась жизнь каждого [человека]. Но если бы кто-нибудь предлагал [свои] услуги как наилучшим образом (ἄριστα) наставляющий в мусическом искусстве (μουσικήν) и в нем упражняющийся, а никто не слышал бы когда-либо его игры на кифаре (κιθαρίζοντος) да и не видел бы [его] кто-либо, держащим [эту самую] кифару или лиру, и не [слышал бы его], произносящим о них [хоть] какое-нибудь слово согласно мусическому искусству, притом что (γυ) он без предложения услуг и [без] наставления считает (φάσκειν) [себя] лучше Орфея и Тамирия⁵, однако (δ') видел бы его, обихаживающим и кормящим петухов или перепелов и по большей части проводящим время вместе с такими же людьми, то нужно ли его причислять (ὑπολαμβάνειν) к мусическим или к тем людям, вместе с которыми он находится и с которыми этим занимается?

Собеседник. Ясно, что – к этим [последним].

(4) Дион. А если бы кто-нибудь уверял, что он – астроном и самым точным образом (σαφέστατα) знает обращения, и пути, и расстояния Солнца, и Луны, и таких же звезд, какие (πῶς) они имеют по отношению друг к другу, и [знает другие] небесные явления, но ничем таким не был бы увлечен (προηρημένος) и об этом не думал, а (ἀλλὰ) больше находился с играющими в кости (κυβεύουσι), и с ними ежедневно (ἐκάστοτε) проводил жизнь, и общался (βλεπόμενος), то назовешь (φήσεις) [ли] ты его астрономом или игроком в кости?

Собеседник. Клянусь Зевсом, я-то бы подумал (ἠγησάμην), что к нему имеет отношение что-либо не из астрономии, но гораздо скорее – [что-нибудь] из игры в кости.

(5) Дион. А вот (δέ), из каких-то [людей] один (τοῦ μὲν) говорит, что он весьма скоро поплывет и получит много денег (χρήματα) от торговли, однако ни (μήτε δὲ) кораблей, ни (μήτε) матросов не снарядил да и (μήτε) груза не имеет никакого, а еще и ни (ἀλλὰ μηδὲ) в гавань, ни (μηδέ) к морю совсем не приходит, другой же (τοῦ δὲ) занимается [всем] этим: и судно осматривает, и кормчего, и товары (χρήματα) предоставляет. Какой же из двух этих [людей], скажешь ты, прилагает старание (νοῦν) к торговле? [Только лишь] говорящий [о ней] или делающий и приготавливающий корабль (τὰ) для плавания (πλοῦ) и товары (τὰ) для торговли?

Собеседник. Я, конечно (μὲν), [скажу, что] – тот, [второй].

³ Сын афинского царя Тесея.

⁴ Участник Калидонской охоты.

⁵ Фракийский певец (миф.).

(6) *Дион*. Во всех случаях (Ἐπὶ παντί), стало быть, слово, если бы оно высказывалось само по себе, так что [его] не дополнял никакой труд, считалось бы бессильным и не заслуживающим доверия, труд же, [напротив], сам [по себе считался бы] заслуживающим доверия и истинным, даже если бы [его] и не пред-варяло слово?

Собеседник. [Именно] так.

Дион. Следовательно, есть ли какие-нибудь [одни] дела и орудия у земледелия или мореходства и другие, имеющие отношение к охотнику, и к астроному, и еще к другим всем [занятиям], у философии же нет никакого собственного занятия, ни дела, ни снаряжения?

Собеседник. Конечно же, [есть]⁶.

(7) *Дион*. Но почему (ταῦτα) [тогда] вещи (τὰ), относящиеся к философу и философии, неочевидны, а вещи (τὰ) торговцев, и земледельцев, и музыкантов, и астрономов, и [всех тех], о которых я уже (δὴ) говорил, очевидны и ясны?

Собеседник. Мне [так] не кажется.

Дион. Да, пожалуй (Ἄλλὰ δὴ); [ведь] есть и слова какие-то, о которых должно слышать философствующему, и науки, которые должно изучать, и образ жизни, согласно которому должно жить, и вообще, одна ведь (μὲν) жизнь у философствующего, и совсем (δὲ) другая у большинства людей; ведь он (ὁ μὲν) тянется (τείνω) к истине и разумению, и к заботе и попечению о богах, и к простоте и целомудренности своей (αὐτοῦ) души, отдаляясь (μακρὰν) от хвастовства, и хитрости, и избалованности.

(8) Притом еще (γὰρ), и одежда вот (μὲν) одна – у философствующего, а (δὲ) [совсем] другая – у обычных людей, и также – застолье, и гимназии, и омовения; и [вообще, у него] иной образ жизни. И придерживающегося [этого] и пользующегося этим должно признавать в качестве обращающего [свой] ум к философии. Не отличающегося же ни в чем от этих (τούτων)⁷, а также не (μηδὲ) являющегося всецело другим [среди] многих [людей] не должно считать [и] одним из тех (ἐκείνων)⁸, даже если бы (κἄν) он тысячи раз говорил [об этом] и [всюду] вещал о [своем] философствовании (φιλοσοφεῖν) перед народом афинян или мегарцев или при царях лакедемонян. Но этот человек должен быть отправлен (ώστ’ εὖ) к крикунам, и к неразумным, и к баловням.

(9) Однако вот не невозможно быть мусическим (μουσικόν) [человеком] не занимающемуся [исключительно] делом (τὰ) знатока мусического искусства (τοῦ μουσικοῦ). Ведь мусическое искусство (ἡ... μουσική) не заставляет [никого] уделять [все] внимание [только] ему и ничего другого более не делать. Также и являющемуся астрономом ничего равным образом не препятствует держать петухов или играть в кости. Ибо астрономия никак не (οὐδὲν) является помехой (ἐμπόδων) тому, чтобы делать ненадлежащее (μὴ τὰ δέοντα). И, клянусь Зевсом, [нет] ничего удивительного [в том], что ставшего [искусным] наездником, или хорошим кормчим, или геометром или познавшего грамматику (γράμματα) видят или у гетер, или у флейтисток. В самом деле (γὰρ), знание (τὸ... ἐπίστασθαι) [всего] этого нисколько не (οὐδὲν) делает душу человека лучше (βελτίω) и не (οὐδὲ) отвращает от пороков.

⁶ Вставка по англ. переводу: Most assuredly it has.

⁷ Обычных людей?

⁸ Философствующих?

(10) Но любой (τις), обращающийся к философии и причастный (μετασχών) к этому знанию (μαθήματος), никогда (ποτέ) бы не отошёл от наилучшего, и не (οὐδέ) не стремился бы (προέλοιτ') совершать ничего (τι) позорного и дурного, и не [стремился бы] бездельничать, и объедаться, и пьянствовать, пренебрегая [всем] этим. Ибо философия должна (ἐστίν) не восхищаться этим, но (καί), напротив, устранять желание этого из души и приводить к неприятию (μίσος) и осуждению этого. Однако вот, могли бы сказать (φῆσαι), [что] ничего не препятствует, чтобы [и] философствовать, и лгать, и обманывать равным образом и себя, и других.

Литература

1. Гаспаров М. Л. Цицерон и античная риторика // Цицерон М. Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. – М., 1972. – С. 18.
2. Демосфен. Речи. – М., 1954. – С. 5, 405–408, 452–454.
3. Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики: Исократ. – М., 1994. С. 9–12.
4. Цицерон М. Туллий. Речи : в 2 т. – М., 1962.
5. Звиревич В. Т. Цицерон – философ и историк философии. – Свердловск, 1988. – С. 41.
6. Звиревич В. Т. Античная антропология. – Екатеринбург, 2011. – С. 155.
7. Нахов И. М. Киническая литература. – М., 1981. – С. 188; Антология кинизма. – М., 1984. – С. 41.
8. Нахов И. М. Киническая литература. – М., 1981. – С. 212; История греческой литературы. – М., 1960. – Т. 3. – С. 211–212.
9. Нахов И. М. Философия киников. – М., 1982. – С. 208.